

ДОСТОЙНЫЙ ДРУГ

Жизнь Лукреции Мотт

Маргарет Хоуп Бейкон

Маргарет Бейкон

**Достойный друг.
Жизнь Лукреции Мотт**

«Издательские решения»

Бейкон М. Х.

Достойный друг. Жизнь Лукреции Мотт / М. Х. Бейкон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960873-4

«Достойный Друг» — биография Лукреции Мотт, известной участницы реформаторского движения в Америке. Повествование выходит далеко за рамки одной конкретной жизни и представляет широкий срез американской действительности XIX века. На страницах книги мы встречаем имена и события, связанные с возникновением и развитием движения аболиционистов и борцов за права женщин. Быт, семья, любовь и дружба не теряют своего значения на фоне событий, сыгравших значимую роль в развитии современной цивилизации.

ISBN 978-5-44-960873-4

© Бейкон М. Х.
© Издательские решения

Содержание

О книге	6
ГЛАВА 1. «Истинность и справедливость нашего Дела»	7
ГЛАВА 2. Родом с Нантакета	11
ГЛАВА 3. Школьные годы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Достойный друг Жизнь Лукреции Мотт

Маргарет Хоуп Бейкон

Переводчик Наталия Наказнюк

Редактор Сергей Грушко

© Маргарет Хоуп Бейкон, 2019

© Наталия Наказнюк, перевод, 2019

ISBN 978-5-4496-0873-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Valiant Friend. The Life of Lucretia Mott, by Margaret Hope Bacon.

Переведено при поддержке благотворительного фонда *The Joseph Rowntree Charitable Trust*.

На обложке портрет Лукреции Мотт 1841 г. Художник Джозеф Кайл.

В память о Луизе Пейдж

О книге

«Достойный Друг» – биография Лукреции Мотт, известной участницы реформаторского движения в Америке XIX века, написанная автором многочисленных книг, статей и рассказов об истории квакерства – Маргарет Хоуп Бейкон. Повествование выходит далеко за рамки одной конкретной жизни и представляет широкий срез американской действительности конца XVIII – XIX веков. На страницах книги мы встречаем имена и события, связанные с возникновением и развитием движения аболиционистов и борцов за права женщин. И если русскоязычному читателю более-менее знакома история борьбы против рабства, то борьба за равноправие мужчин и женщин освещена гораздо слабее, а тем более роль квакеров в этих движениях.

Произведение Маргарет Хоуп Бейкон восполняет этот пробел. Несомненным достоинством книги является внимание к милым, иногда забавным черточкам характеров, к деталям. Быт, семья, любовь и дружба не теряют своего значения на фоне событий, сыгравших значительную роль в развитии современной цивилизации.

Наталья Наказнюк, переводчик

Надпись на рисунке гласит: «Разве не Женщина Я, не Сестра?» Рисунок представляет собой еще более радикальную копию знаменитого аболиционистского рисунка. Здесь мужская фигура заменена на женскую, таким образом напоминая нам, что никто не будет в действительности свободным, пока не свободны все. На столе в гостиной Лукреции Мотт хранилась печатка с этой эмблемой. (С любезного разрешения Исторической библиотеки Друзей, Свортморский колледж)

ГЛАВА 1. «Истинность и справедливость нашего Дела»

На протяжении всего лета 1853 года толпы посетителей первой международной выставки заполнили Нью-Йорк. Хрустальный Дворец – строение из стекла и стали, созданный по образцу лондонского оригинала, занимал целый квартал между 41-й и 42-й улицами к востоку от Шестой авеню, в Брайант-парке. Внутри располагались промышленные выставки со всего мира, включая такие курьезные экспонаты, как новая ножная швейная машинка. Рядом с Дворцом возвышалась цилиндрическая стеклянная башня, служившая обсерваторией, куда посетителей возносил к небу лифт, приводимый в действие паром. С башни можно было увидеть весь огромный город, простирающийся к северу до 50-й улицы, а к югу – до Касл-Гарден в Бэттери. Приезжие выстраивались в терпеливые очереди, чтобы попасть в это неземное блаженство. Коренные жители Нью-Йорка, уже отсмотрев шоу, устав от многолюдных улиц и от того, что невозможно было найти спокойное местечко, чтобы поесть, начали тосковать – поскорее бы эта выставка закончилась...

И вот, на первой неделе сентября, как раз когда на город обрушилась сильная жара и запасы терпения истощились, город подвергся свежему нашествию визитеров, беспокойства от которых оказалось больше, чем от остальных. Группа за группой в город для проведения своих съездов прибывали радикальные реформаторы. Так, к примеру, проходили два конкурирующих собрания сторонников трезвенности, но на одно из них делегаты-женщины допускались, а на другое – нет. Был запланирован съезд аболиционистов, который наверняка мог послужить источником неприятностей в городе под управлением Таммани Холла и демократов, выступающих за сохранение рабства. И в довершение всего, намечалась встреча радикалов, посвященная правам женщин. «Грандиозное сборище Блумерсов»¹, – как саркастически заявил Джеймс Гордон Беннет в «Нью-Йорк Геральд». Были и другие подобные статьи: «Речи Блумерсов мужского и женского рода», «Эмансипированные женщины воспряли духом», и т. п.

Вечером 6 сентября банда от Таммани Холла разогнала заседание по правам женщин, которое проводилось в бродвейском Доме молитвенных собраний недалеко от Ворт-стрит. Утром следующего дня женщины, по двое, по трое, начали собираться. Кое-кто облачился в новомодный наряд с блумерсами, представлявший собой своего рода тунику поверх турецких шаровар, но большинство предпочли спокойные закрытые платья с широкими юбками, согласно моде того времени. У многих на лице было написано беспокойство. По пути к Бродвею они заметили группки хулиганов Таммани Холла. Их легко было узнать по белым панамам, тяжелым золотым цепям, панталонам в обтяжку и начищенным сапогам. В большинстве своем они состояли членами спортивного клуба под управлением капитана Исая Райндерса, бывшего речного бродяги, а ныне, за услуги, оказанные Таммани Холлу, назначенного на должность весовщика Нью-Йоркской таможни. Не нападут ли бандиты Райндерса сегодня снова? Женщины тревожно озирались в сумеречном пространстве огромного Дома молитвенных собраний. Ровно в 10 часов утра невысокая женщина в квакерском сером одеянии вышла на подиум и объявила второй день работы Нью-Йоркского съезда по правам женщин открытым. Ее голос звучал мелодично и уверенно, осанка была прямой, а спокойное лицо было похоже на камею. Она была не просто президентом съезда, все ее уважали, как мудрую старейшину, политического лидера вновь образованного движения за права женщин. Когда Лукреция Мотт начала говорить, по залу пронесся тихий вздох, исполненный облегчения и удовлетворения.

---

¹ Блумерсы – оригинальные шаровары, создание которых ставило целью сохранить викторианскую благопристойность, при этом сделать движения более свободными. Штанишки носили под юбкой, которая была чуть ниже коленей. Называются по имени Амелии Блумер (1818—1894), сторонницы социальных реформ. – *прим. перев.*

«Беспорядки и суматоха, сопровождавшие завершение нашего вчерашнего заседания, хотя и заслуживают величайшего сожаления, поскольку демонстрируют неразумное и ничем не обоснованное стремление некоторых лиц не слышать голос истины или же, точнее, заглушить этот голос вульгарными воплями, тем не менее если взглянуть на произошедшее с правильной точки зрения, то окажется, что некоторые аспекты произошедшего заслуживают похвалы», – так начала она свою речь. За всю свою жизнь она не попадала в ситуации, подобные той, что случилась вчера, и тем не менее она заметила, что ни одна из женщин не закричала и не выказала признаков испуга, заметила она. А их отвага – разве не превратилась она в довод в пользу тех самых требований, поборниками которых они выступали? «Я полагаю, что спокойствие, которое женщины сохраняли во время вчерашних волнений, являло собой воистину прекрасное зрелище, а их самообладание, я считаю, заслуживает восхищения. . . Предположим, здесь собралась бы группа женщин, привыкших полагаться на кого-то другого. Несомненно, они тут же разразились бы криками, призывая своих „защитников“. Но мы, безусловно, можем поздравить себя с тем, что продемонстрировали уверенность в собственных силах, берущую начало в осознании истинности и справедливости нашего Дела».

Многие из присутствовавших считали прекрасным зрелищем самообладание самой Лукреции Мотт, поскольку, если бы нападавшей на них шайке поручили избрать одну-единственную мишень для своей ярости, они конечно сосредоточились бы на маленькой фигурке в сером. Лукрецию Мотт называли «Богиней чернокожих» за ее роль первопроходца в аболиционистском движении. Зачастую на нее нападали за веротерпимость, за еретические взгляды, поскольку она была противницей субботничества, а иногда даже называли социалисткой. Она являлась самым настоящим символом реформаторов, «сующих нос не в свои дела», «неистовых, мужеподобных женщин», против которых «Геральд» метал громы и молнии, и кому банда Райндерса собиралась заткнуть рот. Она не хотела председательствовать на этом съезде. Среди собравшихся были женщины помоложе, им следовало бы быть на ее месте. Но доводы участниц были ей прекрасно знакомы. Ни у кого не было умения владеть собой и авторитета, достаточных для поддержания порядка и для того, чтобы повести за собой перепуганных женщин через такие серьезные испытания. Более того, она ощущала непреодолимую внутреннюю тягу к тому, чтобы исполнить свой очевидный долг. Она прошла весь утомительный путь, «идя в Свете», веруя в то, что послушание придаст ей силы вынести любое испытание.

Лукреция Мотт представила ораторов: Чарльз Берлей, журналист и аболиционист, прославившийся своими длинными рыжими кудрями и эпатажными речами; темноволосая Эрнестина Роуз, урожденная польская еврейка, знаменитая своими взглядами агностика, реформатор и феминистка; круглолицая Люси Стоун и Сьюзен Энтони с резкими чертами лица, работающие вместе с Лукрецией в движении за права женщин; тонкий, лысеющий, кроткий с виду Уильям Ллойд Гаррисон, издатель «Либерейтора» – его чучело болталось на виселицах повсюду на Юге. Время шло, постепенно зал заполняли буяны и скандалисты, их свист и насмешки прерывали речи ораторов. Лукреция поддерживала порядок, сохраняя внешнее самообладание, хотя внутри у нее все сжималось и кипело.

Ее нисколько не удивляло то, что ораторов то и дело прерывали выкриками. Накануне она предупредила сестер-делегаток, что теперь, когда стало очевидным – женщины требуют безусловного полного равенства, им нечего ожидать, кроме роста враждебности. Соппротивление любой значительной перемене ожидаемо, поскольку такая перемена сотрясает самые основы существующих привилегий, напомнила она.

У нее ушло двадцать лет горького опыта на то, чтобы усвоить этот урок. И хотя добрые жители Нью-Йорка осуждали бесчинства банды Райндерса, они мало что делали для того, чтобы пресечь насилие. Конечно же, шайку Райндерса необходимо осудить, но чего же еще следовало ожидать, спрашивали друг друга благовоспитанные нью-йоркцы. Если бы радикалы добились своего, Нью-Йорк мог потерять гораздо больше, нежели только спокойствие. Город

зависел от Юга в торговле, а ирландских рабочих-иммигрантов, служивших движителем бурно процветающей индустрии алкоголя, научили опасаться конкуренции со стороны освобожденных чернокожих.

Аболиционистам мало было угрожать экономическим основам общества, они открыто объявили о своей оппозиции церкви и государству, поддерживавшим рабство. И сейчас, со своими разговорами о правах женщин, они нападали на последнюю цитадель мужчины – на неизбывность и нерушимость его дома.

Нью-Йорк в целом выражал отношение всего урбанистического Севера. Большая часть тех, кто придерживался умеренных взглядов, вздохнули с облегчением, когда Компромисс 1850 года, разработанный Кэлхуном и Уэбстером, навсегда уладил мучительную проблему рабства на новых территориях и спас Соединенные Штаты от катастрофы гражданской войны. Но теперь радикальные аболиционисты со дня на день угрожали нарушить деликатное равновесие своими требованиями расторжения договора, и отказом выполнять его. И нападение Райндерса было попросту выражением того гнева, который пылал в сердцах многих добропорядочных граждан.

К вечеру галереи были заполнены до отказа. Уже утомленная Лукреция представила Соджорнер Трут, высокую чернокожую женщину, бывшую рабыню, которая зажгла аудиторию прошлого года по правам женщин в Эйкрене, Огайо, своей речью, начинавшейся следующими словами: «Вот тот мужчина говорит, что женщинам надо помогать садиться в карету и переносить их через канавы, а еще им нужно везде уступать лучшие места. Мне никто и никогда не помогал садиться в карету и перебираться через грязные лужи, да и места никто мне не уступал. Но разве я не женщина?» На все возрастающий беспорядок в нью-йоркском зале она отреагировала, просто зеркально отобразив чувства аудитории: «Да уж, знаю я, что вам не по нраву видеть цветную женщину, которая стоит перед вами и чего-то вам тут рассказывает, да еще и про права женщин, вас это конечно раздражает и освистать меня хочется. Нас всех низвергли так низко, что никто и подумать не мог, что мы поднимемся снова, но слишком долго мы были внизу, и мы восстанем снова, и вот мы здесь».

Но ни красноречие Соджорнер, ни внушающее уважение присутствие Лукреции уже не могли обуздать настроение толпы, усиленной вновь прибывшим подкреплением из местных баров. «Заткнись!», «Лучше хряпни стаканчик!», «Вали домой!», – издевательски кричали они ораторам.

Кое-кто из женщин запаниковал – одна схватила Лукрецию за руку, когда та, призывая к порядку, начала стучать председательским молоточком. Может, ей следовало вызвать полицию? Но это пошло бы вразрез с ее принципом непротивления. Тогда, может быть, передать слово Эрнестине Роуз, официальному представителю съезда, без малейших колебаний готовой прибегнуть к применению силы? Лукреция быстро согласилась на компромисс и уступила место председателю. Эрнестина собралась объявить заседание оконченным, но стук молоточка потонул в общем шуме. В зале вспыхнули беспорядки.

Хулиганы набросились на мужчин – Гаррисона, Берлея и чернокожего священника Генри Хайланда Гарнета. Женщин грубо отталкивали и отшвыривали в сторону. Снаружи целая группа хулиганов поджидала появления выступавших с явным намерением побить их. Даже те женщины, чьей храбростью Лукреция восхищалась утром, побаивались выйти из здания. Увидев их замешательство, Лукреция попросила своего сопровождающего вывести нескольких женщин в безопасное место.

– Но кто же позаботится о Вас? – спросил он.

– Мне поможет вот этот мужчина, – сказала Лукреция, беря под руку ближайшего дебошира.

Кое-кто утверждает, что это был сам капитан Райндерс. Он обычно держался в стороне от таких столкновений, но на сей раз явился, поскольку несколькими парням из его группы гро-

зил арест, и он хотел лично разобраться в этом деле. Друзей Лукреции охватила тревога. Приятели Райндерса наблюдали за происходящим, выжидая, как он себя поведет. Сам он явно был захвачен врасплох, но после короткой паузы и взгляда на точеное миниатюрное лицо вежливость взяла верх. С очень серьезным лицом он провел маленькую женщину через зал, превращенный в поле битвы его же собственными усилиями. Было слишком шумно, и они не могли обменяться ни словом, пока не вышли наружу. Тогда Лукреция торопливо поблагодарила его и присоединилась к своим друзьям.

Это могло бы послужить окончанием удивительной встречи, если бы Лукреция не увидела его на следующий день в нью-йоркском ресторане. Извинившись перед друзьями, она подошла и села за его стол. При дневном свете он не мог не видеть, что вчерашняя красавица оказалась хорошо сохранившейся шестидесятилетней женщиной. Они поговорили несколько минут, она вновь поблагодарила его за любезность и распрощалась.

Как только Мотт отошла, Райндерс поинтересовался, как ее зовут. Ему сказали, что это и есть Лукреция Мотт.

«Лукреция Мотт? – удивился он. – Эта добрейшая бабушка – скандально известная Лукреция Мотт? Что ж, она показалась мне доброй и разумной женщиной».

Здравомыслящая бабушка, радикальный реформатор, кроткая сторонница непротивления, воинствующая поборница прав женщин, Лукреция Мотт была ведущей фигурой Америки девятнадцатого века. Ее долгая жизнь, охватывавшая практически целое столетие, одновременно и отражала, и сама влияла на развитие американской мысли по мере того, как страна продвигалась от нации мелких торговцев и фермеров к вступлению в Индустриальную эпоху. Ее неистовое отождествление себя с обездоленными, а вместе с тем типичный талант янки найти практическое решение сложных проблем, сделали Лукрецию созидательной силой в области социальных реформ. Многие из ее идей опережали свое время по меньшей мере на целое столетие.

Викторианцы превратили Лукрецию Мотт в живую легенду, особо выделяя ее кротость и спокойствие и уводя в тень ее напористость и решительность. Последовавшие позднее биографы придерживались того же образа. Безусловно, она была добросердечной и любящей женщиной и прекрасно умела держать себя в руках. Однако ей были свойственны и многие человеческие слабости. Она была вспыльчивой, острой на язык, часто упрямой. Самолюбивая и даже тщеславная больше обычного, она наслаждалась высоким мнением других о себе. Временами она принимала себя слишком всерьез, но своеобразное чувство юмора спасало ее от напыщенности. Она любила жизнь здоровой любовью, которая иногда казалась чересчур приземленной ее более изысканным дочерям.

В те дни, когда женщинам не полагалось выказывать свое раздражение, Лукреция годами изо всех сил старалась его скрывать, и в результате страдала от расстройства пищеварения. В зрелом возрасте, однако, она научилась преобразовывать свое негодование в гнев праведный и использовать эту энергию в своих крестовых походах. Спасти желудок было уже поздно, но, по мере того, как она научалась признавать и выражать свое негодование, Лукреция становилась более открытой для любви и духовных порывов. Освобождаясь от внутренних ограничений, она тем самым обретала новые источники энергии, дававшие силы должным образом отвечать на всё возраставшие запросы, поступающие со всех сторон. Шли годы, проходили десятилетия, но она по-прежнему была готова к новому росту, и, наконец, состарившись, стала человеком, полностью раскрывшим свои возможности.

ГЛАВА 2. Родом с Нантакета

Лукреция Мотт частенько заявляла, что она родом с острова Нантакет, и это не было простой констатацией факта, это было утверждением ее самобытности. История, география и обычаи родного острова сформировали ее личность и подарили ей то самоощущение, которое она пронесла через всю жизнь. Хотя ей и пришлось уехать с острова в возрасте одиннадцати лет, в сердце своем она оставалась тамошней жительницей. Лукреция постоянно приезжала на остров, привозила с собой детей, потом внуков и правнуков – пока ей не исполнилось восемьдесят три года. И до последнего вздоха она любила цитировать высказывания нантакетцев и упоминать их обычаи.

Нантакет, расположенный в тридцати милях от побережья Кейп-Кода, представляет собой серповидную песчаную косу длиной в одиннадцать миль, окруженную предательскими мелями. Деревья были срублены на дрова давным-давно, и большая часть острова лишена растительности, за исключением болот, заросших вереском, раскидистым кустарником морской сливы и дикой клюквы. Когда туман рассеивается, резкий ослепительный свет, оставляющий четко очерченные тени, заливают остров. Кажется, что домики, крытые дранкой, прижимаются к земле, и стены их отсвечивают серебром от постоянного воздействия ветра и соли. Летом розы оплетают дома и заборы, а болота становятся похожими на лоскутные одеяла, собранные из зеленых и лавандово-лиловых лоскутков. Зимой на острове царят черные, серые и белые оттенки, некоторым такой пейзаж кажется пустынным и безотрадным, но тем, кто научился любить его, он кажется прекрасным. И неизменен шум прибоя и крики чаек.

Основанный в 1659 году десятью «владельцами», Нантакет рос и развивался довольно медленно до начала расцвета китобойного промысла. С 1700 по 1850 год остров был центром китобойной промышленности Соединенных Штатов, мужчины острова Нантакет уходили в море и добирались до Китая в поисках китового жира и ворвани. А их женщины в это время работали на фермах и в лавках и руководили жизнью острова. Результатом такого положения дел стало появление стойких и отважных мужчин и женщин, полагающихся на собственные силы, славящихся острым умом, расчетливостью в торговле и яростной независимостью.

Лукреция Мотт была истинной дочерью своего острова, потомком сразу двух семейств первых поселенцев, Тристрама Коффина и Питера Фольгера. Поскольку Бенджамин Франклин был внуком Питера Фольгера, он и Лукреция были дальними родственниками. Оба были борцами и новаторами, но, поскольку Лукреция была женщиной, перспективы, открывавшиеся перед ней, были весьма ограничены, и ее талантам пришлось искать иных применений. Если бы она росла в любом другом месте, а не на Нантакете, она могла бы так и остаться незамеченной. Но жизнь на острове, наделявшая женщин большой долей ответственности, плюс религия, доминантной чертой которой является вера в равенство мужчин и женщин, создали атмосферу, в которой женщина могла обрести свою стезю. Великой Женщиной называли Мэри Старбак, предка Лукреции по боковой линии, за ее роль в управлении островом в ранние годы существования колонии. Мария Митчелл, кузина, была первой женщиной-астрономом в стране.

Отцом Лукреции был Томас Коффин-младший, морской капитан, проводивший большую часть времени в море, охотясь за кашалотами. Ее мать, Анна Фольгер Коффин, была женщиной дружелюбной, сильной, с хорошим чувством юмора. Она держала лавку и тем самым обеспечивала себя и детей, пока муж был в море. Они поженились в январе 1790 года и обосновались в небольшом домике на Фэйр-стрит, проходившей по-над величественной гаванью. Здесь 13 октября 1790 года родилась их первая дочь Сара, а 3 января 1793 года – вторая дочь, Лукреция.

Девочки родились в захватывающее время. В 1788 году была ратифицирована Конституция Соединенных Штатов, содержащая в себе компромисс по рабству. В 1789 году разразилась Французская революция, принесшая с собой взрыв новых представлений о равенстве всех людей. Достопочтенный Бенджамин Франклин в 1790 году возглавил в Конгрессе США масштабное движение против работорговли. Мэри Уолстонкрафт, англичанка, жившая во Франции, в 1792 году опубликовала новый труд, озаглавленный «Борьба за равноправие женщин». Эпоха Просвещения подходила к концу. Начиналась эпоха романтизма.

Сам Нантакет только-только начал оживать после долгого периода суровых лишений во время Войны за независимость. Благодаря своему квакерству Нантакет занимал позицию нейтралитета, вследствие чего его корабли захватывали и британцы, и американские патриоты. В итоге от флота в 150 судов осталось только 12. Поставки с «материка», в которых отчаянно нуждались жители острова, были отрезаны, и большие банды лоялистов², спасавшиеся бегством, высаживались на остров и грабили то небольшое, что было у островитян.

Кое у кого еще оставались небольшие лодки, и моряки ухитрялись по ночам доставлять на остров самое необходимое, иначе островитянам пришлось бы голодать и дрожать от холода.

В конце войны нантакетцам пришлось приступить к медленному и тяжкому труду по восстановлению китобойной промышленности.

Когда Лукреция была еще совсем ребенком, морские вояжи ее отца были успешными. В 1797 году, когда ей было уже почти пять лет, он купил землю на углу улиц Фэйр и Скул, пониже его первого маленького домика, и там построил большой, красивый жилой дом, который стоит и сейчас. Дом был по-настоящему солидный и основательный, с каминами, обрамленными в каждой комнате сосновыми панелями, широкой лестницей с изогнутыми перилами и огромной кухней, в которой могла собираться вся семья. На Скул-стрит выходило узкое помещение, где располагалась лавка, которой Анна Коффин управляла, пока Томас был в море. Возвращаясь домой из школы, Лукреция всегда знала по открытым ставням в лавке, дома ли мать. И там ее всегда ждали теплый прием, чашка чаю, а возможно и ломоть маисового хлеба.

В этом большом доме на Фэйр-стрит проходило детство Лукреции. Там она выметала золу из камина, мыла посуду, качала колыбель, ведь в семье Коффинов на острове Нантакет родились еще четыре ее сестры и брат. Всех своих дочерей Анна учила шить и вязать, а особенное внимание уделялось умению готовить нантакетские блюда, рецепты которых передавались из поколения в поколение – к примеру, треску с луком по-фольгеровски, особый рецепт приготовления телятины или свинины с мясным соусом, пудинг с ежевикой. И хотя Лукреция всегда оставалась маленькой и хрупкой, она отличалась здоровым аппетитом. На всю жизнь у нее осталась особая любовь к еде, приготовленной по-нантакетски.

Сразу у подножия холма раскинулась просторная гавань и большой Прямой Причал, где вставали на якорь самые большие суда. Команды, являвшие собой весьма пестрый состав моряков – были там и янки, и индейцы, и чернокожие с Кабо-Верде, и португальцы – грузили тюки и кипы. Тут же громоздились ящики с чаем и шелком из далекого Китая. Близ причала другие матросы готовили котлы для вытапливания китового жира, из него производили ворвань. Там же располагались и мастерские, обслуживающие китобойный промысел – такелажная, где вили канаты; бондарные, где делали бочарную клепку; кузница, где ковали гарпуны и свайки. Пока корабль готовился к отплытию, моряки, громко переругиваясь, сновали из одной мастерской в другую. У причальной стенки, ожидая погрузки, хрюкали свиньи и кудахтали куры. Наконец, отдавались швартовы, часть парусов убиралась, и судно готовилось медленно и осторожно прокрасаться через узкий выход из бухты.

---

² Лоялисты – колонисты, проживавшие в английских колониях Северной Америки, и занявшие во время Войны за независимость 1775—1783 годов сторону метрополии. – *прим. перев.*

На окраине города, вдоль тенистых мощеных улиц построили свои особняки из белого кирпича с обязательным изящным веерообразным окном над дверью самые богатые морские купцы. Некоторые богатые нантакетцы не были квакерами, а принадлежали к так называемым мирянам. Если задержаться около их домов, можно было увидеть женщину в ярких одеждах или даже мужчину в парике. Во время одной из таких прогулок в центре города Лукреция Коффин стала свидетелем сцены, оставшейся в ее памяти на долгие годы. Толпа собралась на городской площади, чтобы посмотреть, как женщину наказывают кнутом у позорного столба. Маленькая девочка не знала, в чем состоит ее преступление, но в душе вспыхнуло негодование, и она запомнила увиденное. Семьдесят пять лет спустя Лукреция привела своих внуков и правнуков к месту, где стоял позорный столб, и дрожащим голосом поведала детям, как она была тогда разгневана.

В 1686 году один из предков Лукреции Мотт построил этот дом на ферме в качестве свадебного подарка своему сыну и невестке. Сегодня этот дом выглядит во многом так же, как он выглядел бы при Лукреции Мотт. (С любезного разрешения Нантакетского исторического общества)

За городом раскинулись фермерские земли, там паслись овцы и коровы, а под летним солнцем вызревал урожай. Фольгеры, дедушка и бабушка Лукреции, были фермерами, и ей нравилось навещать их, смотреть, как стригут овец, или ехать вместе с дедом на тряской, пропахшей ароматным сеном телеге. Каждую весну отмечали праздник телятины. Свежее мясо считалось на острове роскошью, и день, когда забивали телянку, становился традиционным праздничным днем, днем сбора всей семьи. Согласно нантакетскому обычаю, в первый день праздника телятины приглашались все родственники мужа, а на второй день – родственники жены. Но поскольку все на острове так или иначе приходились друг другу родственниками, на семейных встречах собиралось огромное количество людей, отчего дети пребывали в крайнем возбуждении.

Однако бабушка Лукреции была строга, и когда девочка приезжала к Фольгерам, ее загружали домашней работой. Иной раз, когда бабушке случалось делать замечание, озорной характер девочки брал верх, и она дерзила в ответ. Как-то раз в самом конце тамошнего пребывания бабушка сказала, что хотела разрешить Лукреции поехать с дедушкой в поле на возу с сеном. Но, поскольку Лукреция плохо себя вела, поездка отменяется. «Ну и зачем, – думала Лукреция, – надо было вообще мне об этом говорить?» Потом она вспоминала: «Я забыла о том, что натворила, а вот ее бессердечие отпечаталось в памяти навсегда».

Старшую дочь Коффинов, Сару, окружает ореол таинственности. Вероятно, она была инвалидом. Пока она была ребенком, ей никогда ничего не поручали делать, и она никогда не ходила в школу. В возрасте тридцати четырех лет она упала в доме своей матери и вскоре после этого умерла. Кроме того, о ней нет никаких упоминаний в семейной переписке. Спу-

стя много лет после ее смерти, племянница мимоходом упомянула, что та «была не в себе». Но точная природа ее инвалидности так и остается тайной, покрытой мраком времени.

Из-за проблем с Сарой Лукреция фактически стала старшей дочерью. Она была главной помощницей Анны Коффин, служила у нее на посылках и присматривала за младшими детьми. Когда отец на долгое время уходил в море, она оказывалась у матери основной компаньонкой, и даже вела домашнее хозяйство под бдительным присмотром тетюшек, когда мать отправлялась «на материк» за товаром для своей лавки. Благодаря такой близости, у Лукреции возникла глубокая любовь к матери и стремление отождествлять себя с нею, сохранившиеся на всю жизнь. До пятидесяти одного года Лукреция жила вместе с матерью или неподалеку от нее, обращаясь к ней за советом и поддержкой. После кончины Анны Фольгер Коффин Лукреция хранила память о ней, опираясь на материнскую систему ценностей и по-прежнему считая ее своей внутренней судьей. «Так говорила моя мама» и «Так делала моя мама» – эти выражения оставались частью жизни Лукреции до самой старости. И хотя она вышла далеко за пределы круга деятельности старшей женщины, теплота их отношений оставалась источником ее силы.

Ее отношения с отцом менее прозрачны. Поскольку, когда Лукреция была еще ребенком, он часто и подолгу отсутствовал, то и образ его казался расплывчатым – конечно, любимым и уважаемым, но он никогда не был по-настоящему близок с дочерью. Когда его рискованные спекуляции, морские походы и коммерческие предприятия не приносили успеха, а наоборот, создавали трудности для Анны, Лукреция всегда была на стороне матери. Но именно от Томаса Коффина она унаследовала колоссальную физическую энергию и склонность к риску, ставшие неотъемлемыми чертами ее развивающегося характера.

Ее положение старшего ребенка способствовало укреплению уверенности в себе и обостренного чувства собственного «я». Ее сестра Элиза, родившаяся в декабре 1794 года, стала подругой Лукреции на протяжении всей жизни, всегда играя роль добродушной и послушной младшей сестры. В 1797 году у Коффинов умерла новорожденная дочь, а в 1798 году родился их единственный сын Томас Мейхью. Позже появились на свет еще три сестры: Мэри в 1800 году, Лидия в 1804 (умерла в младенчестве) и в 1806 году – Марта. По отношению к брату и всем сестрам Лукреция Коффин демонстрировала собственническое, слегка властное отношение. Она никогда не стеснялась указывать им, как себя вести. И в детские годы она была остра на язык, вспыльчива и остро ощущала несправедливость. Но в то же время отличалась особой теплотой, веселостью и живостью, что привлекало к ней других детей.

С четырех лет она проводила в школе каждый божий день по пять часов. Несмотря на вечную нехватку времени, Анна Коффин все-таки ухитрилась научить ее буквам и цифрам дома, а в школе Лукрецию учили читать, писать красивым разборчивым почерком, считать и заучивать наизусть. Школу, в которую она ходила, построили нантакетские квакеры в 1797 году, и расположена она была поблизости от дома собраний. Мальчики там корпели над уроками под руководством учителя, а девочки – учительницы, пока не наступала их очередь отвечать.

В книге под названием «Умственное совершенствование», написанной английским Другом³ Присциллой Вейкфилд, Лукреция прочитала о работорговле. В книге очень живописно описывалось пленение чернокожих на побережье Гвинеи, разлука семей и заточение рабов в трюмы кораблей. Лукреция пришла в ужас, прочитав о том, как на полпути от Африки до Карибских островов многие рабы погибали от недостатка воздуха, воды, нормальной еды и отсутствия физической активности. Их калечили жестокие капитаны кораблей, а некоторые намеренно морили себя голодом до смерти или прыгали за борт. Потрясенная, она перечитывала эти отрывки снова и снова. Ей было невозможно даже представить, как младенцев вырывали

---

³ самоназвание квакеров, членов Религиозного общества Друзей

из рук матерей. Такое дурное обращение одних людей с другими было несправедливым. Кто-то должен был положить этому конец. Она выучила наизусть длинный отрывок и много раз декламировала его, и слезы наворачивались на глаза, когда она доходила до последней строчки «Ваши деяния заставляют род людской содрогнуться».

На Нантакете рабов не было. Рабство никогда не было частью экономики острова. Нантакетские квакеры официально выступили против рабства еще в 1716 году. Однако в Массачусетсе рабов держали до 1780 года, и морские капитаны Ньюпорта и Нью-Бедфорда играли значительную роль в «торговом треугольнике»: ром из Новой Англии в Африку, рабы из Африки на Карибы, патока с Карибов в Новую Англию. К ужасу своему Лукреция узнала, что некоторые из этих капитанов были квакерами. Там, где можно было заработать, даже квакерская совесть могла самым странным образом промолчать.

Во время дебатов по Конституции США многие верили, что рабство отомрет естественным образом. Но изобретение хлопкоочистительных машин и распространение хлопкоперерабатывающей промышленности на Севере послужили к укреплению позиций этой «специальной структуры». Покупка Луизианы в 1803 году, добавившая к Соединенным Штатам обширную территорию, полностью готовую для аграрной экспансии Юга, и далее гарантировала необходимость постоянной поставки рабов. В результате, в Южных штатах особую важность приобрело содержание рабов. Все эти события происходили, пока Лукреция была еще совсем маленькой, но кое-что она об этом слышала из разговоров взрослых. Жители Нантакета были слишком озабочены собственным выживанием и не особо внимательно следили за развитием событий «на большой земле».

В классе рабство тоже не обсуждалось. От детей требовалось всего лишь прочитать отрывок и выучить его, независимо от темы. Занятия в школе были долгими и скучными, но были и короткие перемены, когда дети все вместе могли играть на школьном дворе. Остроумие Лукреции и способность к передразниванию привлекали к ней других ребят, но кое-кто из соучеников побаивался ее острого язычка и вспыльчивости. Они называли ее «злючка» и жаловались, что она дразнится. Лукреция старалась укоротить свой злой язычок, но была слишком бойкой и смысленной, а посему у нее не хватало терпения смириться с тем, что она считала медлительностью или тупостью, так что время от времени с губ ее слетал резкий ответ. На квакерских собраниях она изо всех сил старалась бороться с этим недостатком.

Лукрецию Коффин, как и прочих квакерских детей, учили, что Господь говорит с мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками напрямую, через Внутренний Свет, озаряющий их сознание. И если постоянно помнить о Свете внутри, тогда можно узнать, каковы твои истинные обязанности. Ну и, конечно же, все дело было в послушании. Все беды в мире, все несчастья, включая рабство, можно было свести не к порочности человечества, а к неповиновению ясно выраженному долгу.

Чтобы подчеркнуть сугубую важность Внутреннего Света, квакерский дом собраний был полностью лишен украшений. И вся церемония квакерского богослужения состояла в том, что люди сидели молча, ожидая, пока кто-то из членов собрания не ощутит призыва Святого Духа к высказыванию. Тогда этот человек вставал и выступал с сообщением, говоря иногда в особой певучей манере, часто цитируя Библию. Некоторые мужчины и женщины выступали так часто, что их начали считать проповедниками. Они обретали особый статус и сидели на передней скамье или на галерее. Некоторые из проповедей были чрезвычайно скучны, но время от времени кто-то говорил так, как будто его или ее слова действительно исходили от Духа, выходящего за пределы человеческих ограничений. Каждый Пятый день (так квакеры называли четверг) вся школа выстраивалась в колонну и шествовала к близлежащему дому собраний Друзей на молитву середины недели.

По Первым дням⁴ Лукреция ходила на собрания вместе с матерью, братом и сестрами. Дом собраний заполнялся. Женщины, похожие на стайку розовощеких синичек в своих черных шляпках, белых шалих и серых платьях, занимали места с одной стороны. С ними были и девочки. Мужчины в широкополых шляпах и темной одежде, вместе со старшими мальчиками сидели с другой стороны. Молчание по Первым дням было глубже, внушало больший трепет. Лукреция искренне молилась о том, чтобы стать хорошей и укротить свой вспыльчивый нрав.

По Первым дням все старейшины собрания красовались на первой скамье во всем своем величии. Этим мужчинам и женщинам доверяли присмотр за членами собрания. Если молодая женщина вела себя несообразно, если мужчина пил слишком много рома и поколачивал жену или не платил долги, если на квакерской свадьбе танцевали и слишком много пили, тогда провинившимися занимались старейшины. Согрешившему члену собрания делали выговор и, если он не раскаивался в содеянном, исключали. Власть старейшин была абсолютной, а их назойливое любопытство частенько оказывалось весьма мелочным. Молодые квакеры учились бояться старейшин и скрывать свои чувства, будь то радость или гнев. В ранний период своего существования квакерство было религией, несущей радость, и собрания были демократичными. Но за последующие годы власть старейшин возросла. Иногда их решения казались совершенно произвольными и несправедливыми. Лукреция видела, что в мире много несправедливости. Но как мог маленький и слабый человечек с ними бороться?

Фотография 1880 года дома, который в наше время является единственным квакерским домом собраний на острове Нантакет. Он был построен в 1838 году. Даже в пожилом возрасте Лукреция Мотт продолжала приезжать на любимый ею Нантакет, но никогда не присутствовала на богослужении в этом доме. (С любезного разрешения Нантакетского исторического общества)

Как-то раз женщина-проповедник говорила на собрании об изгнании Иосифа из Египта и о том, как ему удалось вынести все гонения благодаря тому, что силы ему давал могущественный Бог Иакова. И вдруг Лукреция ощутила, что это послание предназначено исключительно для нее. Если она будет следовать долгу, то и сила придет. Ранним квакером, насколько

---

⁴ воскресеньям

ей было известно, приходилось сносить преследования не только в Англии, но и в Новом Свете. Одну женщину, Мэри Дайер, повесили на общинном лугу Бостона. Вот этих достойнейших ранних квакеров, а не их консервативных потомков, и следовало брать за образец. С этого дня Лукреция станет настоящим квакером. А в качестве внешнего символа своей убежденности она будет теперь одеваться по-другому. В основном, ее одежда и так была достаточной простой, но у нее была новая пара туфель с ярко-голубыми бантиками, которые ей изрядно нравились. Как только она пришла домой с собрания, она взяла ножницы и отрезала мирское украшение.

Спустя несколько лет в Нантакет из Род-Айленда приехала с визитом по религиозным делам проповедница Элизабет Когисел. Она была замужней женщиной тридцати трех лет с таким даром проповеди, что ее собственное собрание отправило Элизабет проповедовать для других собраний. Таких мужчин и женщин называли общественными Друзьями. Если общественный Друг был женщиной, тогда члены ее семьи брали на себя заботу о домашнем хозяйстве и детях с тем, чтобы она могла следовать своему водительству. Четырьмя годами ранее Элизабет Когисел предприняла длительную поездку в Англию. Лукреция смотрела на нее с благоговейным трепетом. Стать общественным Другом, путешествовать, говорить, и чтобы тебя все слушали – о чем еще могла мечтать квакерская девочка?

В Нантакетском собрании Элизабет Когисел не только проповедовала. Она посетила каждый дом и пообщалась с каждой семьей. Когда она пришла к Коффинам, Томас снова был в море. Анна собрала все свое небольшое семейство и приняла гостью в парадной гостиной – самой большой комнате в доме. Простыми словами Элизабет говорила с детьми о том, как важно слушаться Внутреннего Наставника и молиться о даровании нужных сил. Лукреция приняла наставления близко к сердцу, понимая, что ей понадобится много усилий, чтобы научиться контролировать свой непокорный нрав. Казалось, что ее кроткой маленькой сестренке Элизе легко быть хорошей, и даже ее братец, крепыш Томас, не был таким озорником, как она. Несмотря на все ее старания, мама по-прежнему называла ее Болтушкой и укоряла в том, что она «всегда готова ответить ударом на удар». Значит, ей нужно еще усерднее молиться и просить о силе.

К тому времени в семье появилась еще одна маленькая сестричка, требовавшая заботы – Мэри родилась в марте 1800 года. За несколько месяцев до ее рождения Томас Коффин вложил все сбережения в покупку собственного корабля «Испытание» с тем, чтобы ходить на нем в Китай. Расходы на переоборудование корабля истощили все ресурсы Коффинов. Когда Томас ушел в плавание, он оставил Анне доверенность на ведение дел, но кроме дома на Фэйр-стрит у него мало что оставалось. Не теряя времени, она снова открыла лавку и приготовилась долгое время обходиться без мужа.

Многим детям жизнь без отца может показаться одинокой, но только не детям Нантакета – они к этому привыкли. Отцы-моряки появлялись и исчезали, и жизнь семьи продолжалась благодаря матерям. А поддержку в своем одиночестве женщины искали друг у друга. По всему острову обитательницы его постоянно обменивались визитами. Когда мужчины бывали дома, они принаравливались к сложившемуся порядку вещей и тоже отправлялись на семейные чаепития и ужины. Все это казалось нантакетским детям совершенно естественным образом жизни. Годы спустя, когда Лукреция уже жила на «материке», она обнаружила, что у мужчин и женщин разные круги общения. Это открытие повергло ее в состояние шока, она отнеслась к нему в высшей степени неодобрительно. «Станным показалось бы уроженцу Нантакета, если бы муж вдруг не захотел пойти в гости с женой», – заметила она.

Но когда отец уходил в плавание, в доме постоянно жил скрытый страх, что он может никогда не вернуться. Китобойный промысел был делом опасным. Случалось, что линь гарпуна обвивался вокруг ноги моряка и уносил его на дно морское. Бывало, что раненый кит мог разнести в щепки целый баркас одним взмахом своего мощного хвоста. А иногда мог пропасть и весь корабль. Зачастую известий от моряков не было месяцами, и когда корабль появлялся

на входе в гавань, матери и дети забирались на крыши домов, чтобы первыми увидеть судно. Был ли это тот самый корабль, которого они так ждали? Но обычно они могли узнать, жив ли или мертв какой-то конкретный моряк, только тогда, когда судно уже стояло на якоре у Длинного Причала.

В 1802 году, когда кораблю Томаса уже давным-давно следовало бы вернуться, пришли ужасные новости. Дядя Юрайя Хасси, муж тети Фиби Фольгер Хасси, утонул вместе с кораблем. Сестры Фольгер собрались вместе, чтобы утешить убитую горем семью. Лукреция даже попыталась подбодрить маленькую кузину Мэри Хасси, с которой никогда не ладила. Но на поминальной службе в квакерском доме собраний трудно было сосредоточиться на мыслях о дяде Юрайте, не думая о том, что это может случиться и с тобой.

Прошел еще год. Лукреции исполнилось десять лет, и она целиком и полностью занималась сестренкой. Анны часто не бывало дома, она отправлялась за припасами для своей лавки. Лукреция с помощью бабушки и тетюшек присматривала за младшими детьми. Окружающие искренне восхищались ее ранней зрелостью, и она купалась в этом одобрении. Но день шел за днем, неделя за неделей, и росло предчувствие того, что известий от Томаса Коффина они никогда больше не получат.

Но как-то раз на борту парусника, регулярно ходившего из Вудз Хоул в Нантакетскую гавань, прибыл загорелый человек. Он взобрался вверх по холму и уже стоял перед дверью дома на Фэйр-стрит, а Анна Коффин о нем еще и слыхом не слыхивала. Это был Томас. Он потерял свой корабль, вынужден был расстаться со своим экипажем, но сам был жив и здоров. Ликование, царившее в то утро в их просторной кухне, дети Коффинов запомнили навсегда.

После первых крепких объятий и слез он рассказал о своих приключениях. Когда корабль Томаса крейсировал в поисках китов вдоль побережья Южной Америки, его захватило испанское военное судно, обвинив в нарушении границ нейтральных вод. Невзирая на протесты Томаса, их отбуксировали в порт Вальпараисо в Чили, а корабль конфисковали. Через несколько дней стало ясно, что получить его назад не удастся, разве что через длительное судебное дело. С большой неохотой Томас Коффин распустил команду, дабы они, если получится, могли устроиться на другие корабли, а сам решил остаться и побороться за себя. Его приняла гостеприимная испанская семья, научив испанскому языку так быстро и хорошо, что он смог выступить своим собственным адвокатом. По некоторым пунктам он добился победы. Но казалось, что дело будет тянуться целую вечность. Наконец, Томас решил сдаться и тронулся в путь, самостоятельно перейдя через Анды. Для мужчины на пороге пятидесятилетия это было серьезным испытанием. Добравшись до Бразилии, в одном портовом городе он нашел корабль, готовый взять его на борт и доставить в Соединенные Штаты. Снова и снова он пытался отправить весточку домой, но ни одна из них не дошла до Нантакета. Наконец, он вернулся домой.

Его стойкость перед лицом испытаний вдохновила всех детей Коффинов. Они гордились своим отважным отцом и никогда не уставали слушать рассказы о приключениях в Южной Америке. Он научил их говорить «доброе утро» и «добрый вечер» по-испански и внушил им уважение к католической религии, поскольку католическая семья была добра и щедра к нему. Для детей, изолированных на своем маленьком острове, это соприкосновение с внешним миром расширило кругозор.

Но, хотя приключения его были чудесны, Томас Коффин решил покончить с мореплаванием – он останется дома и будет зарабатывать на жизнь торговлей. Как раз перед захватом корабля в Вальпараисо он отослал груз шкур морских котиков в Китай. Деньги от этой сделки ему удалось вложить в партнерство с Джесси Самнером, успешным бостонским купцом. Однако не прошло и года, как стало ясно, что для семьи это означало переезд в Бостон. Сестра Анны, вдовствующая Фиби Хасси, купила их дом на Фэйр-стрит, и в июле 1804 года Коффины тронулись в путь. У Анны на руках была новорожденная дочь Лидия.

Для Лукреции, в ее одиннадцать с половиной лет, переезд стал болезненным разрывом с привычной жизнью. Она любила каждый дюйм родного острова – его еду, обычаи, островитян, дома, потрепанные штормами, и открывающиеся бесконечные пустынные виды. Она любила море и корабли, и соленый запах. Она любила резкий, высвечивающий мельчайшие детали свет, так похожий на Свет внутренний, который она непрестанно искала. И если ей случалось рассердиться или почувствовать себя несчастной, обширные вересковые пустоши и шепот ветра всегда утешали ее. Она так глубоко вросла в эту землю, что за всю долгую жизнь это ощущение не покидало ее. Нантакет стал для нее своего рода потерянным раем. Она возвращалась на остров снова и снова, но никогда уже он не казался ей таким изумительным, каким сохранился в памяти. А многие поколения детей, внуков и правнуков она так и продолжала растить на своих рассказах о том, какое это особенное, теплое и сердечное счастье жить «по-нантакетски».

ГЛАВА 3. Школьные годы

Жизненный опыт Лукреции не подготовил ее к шумному городу Бостону. Когда Коффины приехали туда в 1804 году, население Бостона составляло почти тридцать тысяч человек, что сильно отличало его от маленького городка на Нантакете. Гигантские парусные суда, покидавшие бостонские причалы, бороздили моря всех океанов. В порту было много крупных конторских зданий, в одном из которых располагалась контора отца Лукреции и его партнера. Позади порта раскинулся лабиринт мощеных улочек старого Бостона, то карабкавшихся вверх, то спускавшихся с трех холмов. И высоко в небо вонзался шпиль Старой северной церкви.

Из окна спальни дома Коффинов на Грин-стрит Лукреция могла видеть обе реки – и Чарльз, и Мистик – а дальше невысокие холмы, простиравшиеся до самого Чарльзтауна. Позже семья переехала в дом на Раунд Лейн, – он был больше и дороже. Бостон процветал, и новые районы росли как на дрожжах. Вместе с городом преуспевал и Томас Коффин, но в душе его не гасло противоречие между новоявленным богатством и его собственными идеалами квакерской простоты. Переехав в Бостон, Томас и Анна отдали детей в частную школу, а потом перевели в обычную, чтобы избежать «классового зазнайства». Лукреция всегда находила это решение удачным и вспоминала, что «там она обрела чувство симпатии к беднякам, испытывающим страдания и борющимся с трудностями».

Вскоре, однако, дети Коффинов переросли среднюю школу. Томас Коффин желал дать своим детям – и дочерям, и сыну – возможность получить высшее образование. Ни он, ни Анна не пошли дальше средней школы, но наступили новые времена. Для квакерских детей такое образование должно было проходить под религиозной опекой, в школе, где можно обеспечить защиту от оскверняющих контактов с «мирянами». Выбор сводился к двум квакерским школам-пансионам. Для Лукреции и Элизы Коффины выбрали «Найн партнерс», основанную в 1796 году в округе Датчесс штата Нью-Йорк. Томаса на следующий год родители отправили в Весттаун, школу подобного же образца, открытую в 1799 году в округе Честер, Пенсильвания. Чтобы подготовить дочерей к школе, Анне Коффин вручили список одежды, которая им понадобится: «одна или две простые шляпки, одна накидка – не шелковая, два платья, шерстяные или бумажные, соответственно сезону, простого фасона; три или четыре длинных фартука из ткани в клеточку, одни ножницы и набор заколок». Ее предупредили, что нарядную одежду, буде таковая послана, отошлют обратно.

Расставание было тяжелым, ведь Лукреция и Элиза впервые покидали родной дом. Более того, оставалось вообще неясным, свидятся ли они когда-нибудь с матерью, сестрами и братом. Путешествие было далеким и стоило недешево, да и школа не одобряла поездки домой. Предполагалось, что ученики вливаются в школьную семью и остаются там до конца обучения. Отъезд в школу чем-то напоминал отплытие в море. К счастью, в девочек вселял отвагу пример их отца.

Расположенная в холмистой местности округа Датчесс, школа «Найн партнерс» представляла собой большое здание девяти футов длиной, похожее на сарай. В одном конце этого здания жили и учились девочки, в другом – мальчики. Изучали они одинаковые предметы, но классные комнаты у них были отдельные, и играли они на разных площадках, разделенных высоким забором. На последнем этаже в конце коридора были большие дортуары, где ряд за рядом дети спали в жестких маленьких койках.

Занятия в «Найн партнерс» шли круглый год. Новые учащиеся просто вливались в процесс, будто запрыгивали на кружасьую карусель. Так поступили и Лукреция с Элизой. Юные ученики учились читать, писать, считать, изучали английскую грамматику и географию, а также заучивали наизусть много стихов.

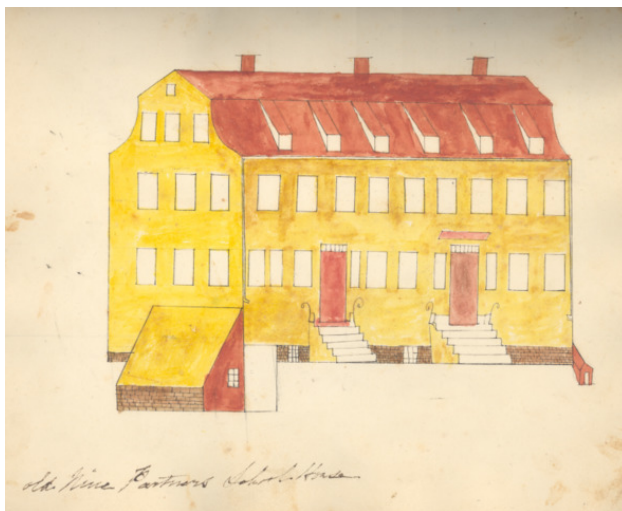
По меньшей мере два раза в неделю все ученики посещали квакерское собрание. Время от времени в школу приезжал гость – прочитать вечернюю лекцию на какую-нибудь важную тему. Иных развлечений, кроме этих, в школе не существовало – ни музыки, ни танцев, ни любительского театра, даже не было предусмотрено чтение художественной литературы. Помимо всего прочего, юные мальчики и девочки были строжайшим образом разделены.

Несмотря на разделение по полу, квакерские учебные заведения самыми первыми попытались ввести совместное обучение. В Весттауне мальчики изучали латынь, а девочки – рукоделие, но в целом главенствовала идея равных возможностей для получения образования. В итоге, девочки из квакерских семей одними из первых получили высшее образование, каким бы оно ни было. Результатом такого подхода стало их лидерство в таких профессиях, как медицина, а также участие в борьбе за равные права.

Лукреция Коффин преуспевала в спартанской обстановке «Найн партнерс». Царившая там строгая атмосфера была ей привычна, а возможность встреч с молодыми квакерами, приехавшими туда с верховьев и низовьев Восточного побережья, расширяла ее кругозор. Она по-прежнему вращалась исключительно в узком квакерском кругу, но этот мир был шире квакерства Нантакета. В учебе она получила возможность сравнить себя со своими ровесницами, и, к своему удовольствию, обнаружила, что частенько именно она оказывалась самой способной и знающей. Одна за другой раскрывались сильные стороны ее мышления – цепкая память, глубокий и блестящий ум, способность рассуждать логически. Ей не хватало полета воображения, но она обладала даром сопереживания. Она легко могла поставить себя на место другого и ощутить его боль или радость. Из-за квакерского воспитания Лукреция всю свою жизнь была довольно ограничена в предубежденности к художественной литературе и драматургии, но зато любила нравоучительную поэзию и очень многое знала наизусть. В школе она выучила «Задачу» Уильяма Купера, откуда черпала вдохновение всю свою жизнь.

Одноклассники восхищались ее острым умом, за исключением немногочисленных горемык, служивших ей мишенью. Она великолепно передразнивала рассудительных квакерских старейшин. Делая вид, что собрание послало ее призвать к порядку согрешившего против правил собрата, она начинала в квакерской манере вещать нараспев: «Друзья, мы навестили Табиту Филд и... мы поработали с ней... и мы полагаем, что нам удалось несколько *смягчить* ее».

Самой большой проблемой Лукреции в школе было наличие правил и предписаний, регламентировавших всю жизнь учеников. Для разговорчивой Лукреции труднее всего было подчиниться правилу молчания. Часто она попадала в неприятные ситуации, и ее наказывали за разговоры в классе. Она знала, что ей надлежит укоротить свой длинный язык, и старалась быть послушной. Однако некоторые другие правила казались ей мелочными и необоснованными, и в таких ситуациях она, не колеблясь, вступала с учителями в спор, что навлекало на нее еще большие неприятности.

Школа и дом собраний Друзей «Найн партнерс», округ Датчесс, Нью-Йорк, где Лукреция Коффин была сначала ученицей, а потом преподавателем. Акварель Джонатана Торна, вероятно учащегося школы, 1816 г. (Любезно предоставлено Исторической библиотекой Друзей, Свортморский колледж)

Как-то раз по школе разнесся слух, что какого-то мальчика из самых младших сурово наказали за незначительное прегрешение. Лукреции нравился этот мальчик, и она считала, что наказание несправедливо. Девочкам строго-настроено запрещалось ходить на мужскую половину школы, но им хорошо были известны потайные проходы и черные лестницы. Лукреции каким-то образом удалось убедить робкую и перепуганную Элизу отправиться вместе с ней в опасное путешествие. Они отыскали чулан, где был заперт мальчуган, оставленный без ужина, просунули под дверь куски хлеба с маслом и ухитрились вернуться на женскую половину незамеченными.

Чувства переходного возраста, восплававшие в Лукреции, еще сильнее усилили в ней как внимание к обездоленным, так и гнев против несправедливости, глубоко укоренившийся в ее душе со времен нантакетского детства. Во время этого восприимчивого периода она впервые прочитала «Эссе о рабстве» британского аболициониста Томаса Кларксона. Несмотря на сдержанность языка, Кларксон не жалел красок, описывая ужасы «Миддл Пэссидж»⁵: сексуальное насилие над женщинами, пытки непокорных рабов, истории, когда человеческий груз попросту выбрасывали за борт, чтобы получить страховку. Лукреция была в ярости.

Запомнившаяся ей книга Вейкфилд выглядела достаточно бесцветной по сравнению с рассказом Кларксона. Вот где было зло, вопиющее к небесам об исправлении.

Лукреция Коффин была не одинока в своем растущем гневе против рабства. Многие молодые мужчины и женщины, как в Соединенных Штатах, так и в Великобритании, откликнулись на призыв Кларксона, и повсюду стали возникать аболиционистские общества. В качестве возможного решения выдвигалась идея сбора денег для постепенного выкупа одного раба за другим. Для начала необходимо было прекратить ввоз рабов. Закон об уничтожении африканской работорговли был представлен Конгрессу Соединенных Штатов, и многие аболиционисты лоббировали его продвижение.

⁵ Второй, или средний, этап («Миддл Пэссидж») «торгового треугольника»: Африка – Америка, – прим. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.